

Томас Мертон

ОДИНОКИЕ ДУМЫ

Издательство
Францисканцев

Томас Мертон
Одинокие думы

«Издательство Францисканцев»

1990

Мертон Т.

Одинокие думы / Т. Мертон — «Издательство Францисканцев»,
1990

ISBN 5-89208-050-1

Томас Мертон (1915–1968), монах Ордена траппистов, – один из самых значительных духовных писателей XX века. Знаменитым его сделала вышедшая в 1947 году автобиография под названием «Семярусная гора». Затем последовали ставшие духовной классикой сборники эссе о духовной жизни – «Семена созерцания», «Человек – не остров», дневник «Знамение Ионы», сборники статей «Спорные вопросы», «Порыв в неизреченное» и многое другое. «Одинокие думы» появились на свет в маленьком скиту, неподалеку от монастыря траппистов в Луисвилле (штат Кентукки, США), где Мертон впервые ощутил, что такое настоящее уединение. «В моей книге, – писал он, – нет ничего, чего бы уже не сказали (и сказали гораздо лучше) шумящие на ветру сосны. Эти строки – всего лишь эхо тишины и мира, которые почти осязаемы, когда дождь льет на окрестные холмы и леса».

ISBN 5-89208-050-1

© Мертон Т., 1990

© Издательство Францисканцев, 1990

Содержание

Благодарности	6
Предисловие к русскому изданию	7
Предисловие редактора, или благодарность блудного сына	9
Одинокие думы	10
От автора	10
Предисловие	11
Часть 1	13
I	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Томас Мертон

Одинокие думы

©Издательство Францисканцев, 2003 ©Андрей Кириленков, перевод, 2003
©Наталия Трауберг, общая редакция, 2003

* * *

Благодарности

Переводчик и редактор благодарны канонику Дональду Олчину за дружескую и духовную поддержку начинания, связанного с переводом книг Томаса Мертона на русский язык, и за первый грант;

монсеньору Уильяму Шеннону за грант, позволивший закончить перевод;
Ирине Языковой, Надежде Волковой за чтение рукописи и полезные советы;
Полу Пёрсону и Филиппу Буббайеру за помощь в понимании трудных мест;
архимандриту Виктору (Мамонтову)
и его прихожанам за молитвы и интерес к личности и наследию
Томаса Мертона.

Предисловие к русскому изданию

Томас Мертон, несомненно, считал бы за честь быть изданным в России. Книгу «Одинокие думы» он написал в середине пятидесятых, а точнее между 1953 и 1954 годами, спустя всего несколько лет после выхода имевшей небывалый успех «Семиарусной горы», его автобиографии. Мертону тогда много писали восторженные почитатели его творчества, но известность отнюдь не радовала монаха, искавшего уединения, безмолвия и удаления от мира. «Одинокие думы», сборник коротких духовных размышлений, был сразу же принят американскими читателями и спустя недолгое время переведен на китайский, французский, немецкий, итальянский, японский, польский, португальский и испанский языки.

«Одинокие думы» Мертон писал на подъеме, впервые испытав на собственном опыте, что такое настоящее уединение. Ценители его творчества до сих пор сравнивают эту книгу с *Pensées*¹ Блеза Паскаля. В 1951 году Мертон был назначен наставником молодых монахов, готовившихся к рукоположению. Он тогда много работал над беседами по монашеской духовности, истории Ордена, осуществлял пастырскую опеку монахов и писал для издателей.

«Одинокие думы» появились на свет в маленьком деревянном скиту, расположенном на одном из лесистых холмов неподалеку от Гефсиманского монастыря. Свое временное пристанище Мертон называл скитом Св. Анны. Обычно он уходил туда днем для молитвы и размышления; и там же делал наброски, которые потом были собраны в книгу. Один из таких набросков стал духовной классикой. Это – молитва, обращенная к Господу, Которого Мертон обрел в своем уединении:

Господи Боже мой, я не знаю, куда иду. Я не вижу перед собой дороги и не знаю толком, куда она приведет. Не знаю я и самого себя, – ведь я только думаю, что творю Твою волю, и может оказаться, что это совсем не так. Но я верю, что Тебе угодно само стремление угодить Тебе. Надеюсь, что сохраню его во всяком деле и не отступлю. Знаю, что если я устою, Ты проведешь меня верным путем, хотя сам я не буду знать, как я шел. Буду верить Тебе и тогда, когда мне покажется, что я пропал и брошен в тени смертной. Не убоюсь, потому что Ты всегда со мной и никогда не оставишь меня на погибель.

Эта молитва, я думаю, выражает самую суть веры Мертона, его доверие Богу и преданность Божией воле. Вот уже много лет ее вручают паломникам и гостям, приезжающим в наш монастырь. Перепечатывали ее и переводили бесчисленное множество раз.

Собранные в этой книге заметки Мертон сначала назвал «Тридцать семь медитаций». Их главная тема – человек и сообщество людей. Мертон настаивал на том, что человеку для обретения полноты бытия надо уметь быть наедине с самим собой. Поэтому его размышления касаются и общества в целом, и, в особенности, судьбы христианства.

Мертон обладал великим даром писать, обращаясь прямо к сердцам людей – христиане ли они, иудеи или мусульмане. Он умел говорить и находить общий язык даже с тибетскими буддистами. Незадолго до своей гибели в Бангкоке 10 декабря 1968 года Мертон, на севере Индии, в Дарамсале, трижды подолгу беседовал с Далай-ламой. Позднее тот говорил, что Мертон первым показал ему всю красоту и глубину христианства.

В предисловии к японскому изданию «Одиноких дум» Мертон писал: «В моей книге нет ничего, чего бы уже не сказали (и сказали гораздо лучше) шумящие на ветру сосны. Эти строки – всего лишь эхо тишины и мира, которые почти осязаемы, когда дождь льет на окрестные холмы и леса».

---

¹ Мысли (франц.).

Я надеюсь, что сказанное в этой книге затронет нечто глубоко сокрытое в тех, кто будет ее читать. Томас

Мертон этого хотел. Он хотел, чтобы люди, несмотря на свою занятость, находили время для безмолвия и созерцания, для уединенного предстояния Богу – неважно где, в монастыре или на торжище.

28 февраля 2002 г.

Аббатство Девы Марии Гефсиманской, Луисвилль, штат Кентукки, США

Брат Патрик Харт, OCSO²

---

² Брат Патрик Харт – монах аббатства Девы Марии Гефсиманской (каки Томас Мертон), принадлежащего к католическому Ордену траппистов. Брат Патрик – монах этого монастыря уже 50 лет. Он был секретарем Томаса Мертона, готовил к публикации его книги, редактировал книги о нем.

Предисловие редактора, или благодарность блудного сына

Недавно завершился очень тяжелый век. Мы, люди, творили много зла и, соответственно, много страдали, кто – от своих грехов, а кто – главным образом, от чужих, причем число жертв приобрело невиданные масштабы. Может быть, это столетие больше других связано с тем, что говорит пророк Исайя о слуге Ягве. Библиист Анна Великанова высказала предположение, что, исходя из этого опыта, придется расширить понятие мученичества, включив в число «свидетелей» невинные жертвы.

Те, кто долго жил в XX веке и доверялся Богу, поистине ощущали, как Он страдает из-за того, что происходит с Его детьми, и как нуждается в соратниках. Иногда кажется, что святых было гораздо больше, чем в другие времена, но этого мы знать не можем. Однако можем заметить, что у невольных соратников и у соратников добровольных отчетливо подчеркнуто евангельское свойство – умаление, тоже вольное и невольное. Именно оно объединяет таких непохожих людей, как Папа Иоанн XXIII и Томас Мертон.

Непохожи они во всём, что важно для мира: глава Католической Церкви – и простой монах; ангельский старец – и странный, безвременно умерший человек; чистейший протест из крестьянской семьи – и выходец из богемы, прошедший малопривлекательный путь не то хулигана, не то представителя «золотой молодежи». Однако «добрый Папа» сразу узнал своего, прочитав книгу молодого трапписта, и так умилился, что послал ему столу, в которой был интронизирован. Общее у них настолько просто, что о нем и говорить бы не стоило, если бы оно не было таким редким, особенно – в прошедшем веке.

Честертон говорит, что святой – противоядие против того греха, который преобладал в его дни. XX век, еще больше прежних, помешался на гордыне, от жалкого самоутверждения до «демонических твердынь». Оба великих соратника Бога, жившие в этом столетии, были исключительно смиренны, и в этой книге смирение Мертона выражено яснее всего.

Казалось бы, сколько раз это сказано и просто показано в притче притч – о блудном сыне, но первородный грех залепляет нам уши. Проповедники знают, как непрестанно приходится спорить «на две стороны» – и с апологетами самоутверждения, которых так поддерживают психологи, и с апологетами отчаяния. Собственно говоря, это скорее две фазы, чем разные стороны. Цепочка примерно идет так: «Ну, я человек хороший» – «Ой, вроде бы нет!» – «Ну, тогда на свете сплошной ужас».

И Иоанн XXIII, и Мертон смиренно признавали свое ничтожество и благодарили Бога за незаслуженную безмерную любовь. Перед нами – книга, свидетельствующая об этом. Как обычно, кто-то найдет в ней «радость узнавания», кто-то – набор приевшихся – да и сомнительных – трюизмов. Но, к нашему счастью, всегда есть и третьи, для которых это – новость, Благая весть, дающая мир и свободу.

*Н. Трауберг
Москва, 14 марта 2003*

Одинокие думы

От автора

Мои размышления, быть может, порадуют благосклонного читателя, который хоть что-то нашел для себя в моих книгах «Семена созерцания» и «Человек – не остров». Вся ценность моих трудов, если у меня вообще получилось что-нибудь стоящее, в том, что, в известном смысле, я писал для себя и своих единомышленников. Прежде всего это касается второй части, которую я назвал «Любовь к уединению». Тот, кто знаком с поразительным «Миром тишины» Макса Пикара, поймет, как повлиял на автора этот швейцарский мыслитель.

Предисловие

Собранные в этой книге заметки появились в 1953–1954 годах, когда автор – по милости Божией и благорасположению настоятеля – мог чаще бывать и молиться в уединении. Это объясняет, как возникло название, но ничуть не означает, что получилась автобиография. Здесь нет ничего личного, частного, как нет и рассказов о каких-то духовных приключениях. У автора, собственно, их и не было, а если бы и были, он не доверил бы их бумаге. Перед вами всего лишь его раздумья о созерцательной жизни.

Здесь, конечно, нужна оговорка. Вполне может оказаться, что столь важное для автора совсем не важно для людей, далеких от монашеского призвания. В этом смысле книга получилась вполне личной. В ней есть и обобщения, и наблюдения *en passant*³, иногда почти банальные. Эзотерического в ней нет ничего. И все же тому, кто писал эти строки и ведет не вполне обычную жизнь, дороги его размышления об одиноком предстоянии Богу, безмолвной беседе с Ним, о том, как, пребывая наедине с собой, мы бываем связаны друг с другом. Добавлю в скобках, что для ордена, к которому автор принадлежит, его образ жизни – совсем не идеал; в сущности, это – идеал отшельнический⁴.

С тех пор как появились эти заметки, в жизни их автора, разумеется, многое переменялось, и некогда высказанное им дало со временем самые неожиданные всходы.

В век тирании, когда человек обесценен и унижен, должны быть услышаны все, кто здраво судит о его внутренней свободе и праве быть наедине с самим собой. Бездуховная цивилизация губит человека, оглушая его своим грохотом, и нельзя допустить, чтобы она заглушила голоса ее неутомимых разоблачителей: христианских святых, восточных мудрецов, подобных Лао-цзы и мастерам Дзен; мыслителей, подобных Торо, Мартину Буберу и Максиму Пикару. Легко говорить, что человек – «общественное животное». Это очевидно. И все же никто не вправе превращать его в винтик безликого механизма – светского или религиозного.

Общество, в сущности, жизнеспособно лишь до тех пор, пока не посягает на одиночество своих членов. Оно и зовется «обществом» только потому, что сложено не из масс или безликих единиц, а из личностей. Личность же немислима без свободы и ответственности, а они, в свою очередь – без внутреннего одиночества, целостности, чувства собственной реальности, способности отдать себя обществу или отказать ему в этом даре.

Растворяясь в безликой, движимой слепыми инстинктами толпе, человек теряет свою человечность, целостность; он не может ни любить, ни владеть собой. Если люди не знают внутреннего одиночества, то их соединяет уже не любовь, а наглая и жестокая власть. Эта власть отнимает принадлежащую им по праву свободу, и всё общество разлагается, пораженное ненавистью и раболопием.

Ненависть, этот тяжкий духовный недуг, изнутри разъедает наш падкий до наживы мир. Никакой технический прогресс от нее не излечит. Поэтому истинное исцеление всегда было и будет духовным. Но как сказать о Боге и любви тем, кто не слышит? Евангельской вести внимают сердцем, а сердце, не возделанное безмолвием и одиночеством, остается глухим.

Иными словами, вера немислима без свободы, без умения владеть собой и без свободного принятия благодати. Человек не поверит, пока его ум и сердце работают, как автомат, пока сам он растворен в толпе таких же, как он, бездушных и безликих существ, лишенных права быть собой.

---

³ По ходу дела (франц.) (здесь и далее – прим. пер.).

⁴ Когда Мертон писал эту книгу, в Ордене траппистов не приветствовалось отшельничество. Монашество же, по смыслу слова – одинокая жизнь.

Словом, сказанное в этой книге касается не только монахов, но и каждого из нас, нашего общего будущего и, конечно же, будущего нашей веры.

Часть 1

Грани духовной жизни

I

Духовную жизнь, как и всё живое, хранит и питает то истинно сущее, что есть вокруг и выше нас. Пребывание в мире иллюзий поистине губит ее. Тот, кто питается призрачным бытием, обречен на голодную смерть; и нет горше участи, чем принять эту напрасную гибель за плодоносную, жертвенную «смерть», ведущую в жизнь.

Смерть, ведущая в жизнь, – это не бегство от истинного бытия, а всецелая преданность ему, самопожертвование. Ее начало – в отречении от мнимого бытия, которое мы сами творим, глядя на мир сквозь призму эгоистических желаний.

Но прежде, чем мы поймем, что мир, особенно материальный, полон иллюзий, мы должны ясно увидеть, что он реален.

Материальное «призрачно» только в сравнении с высшей реальностью духовного.

Отречение от тварного начинается с того, что мы пытаемся разглядеть, каково оно само посебе, и отходим в сторону. Только отстранившись от тварного, обретая перспективу, мы дойдем до реального, действительного, истинного в нем. Нельзя разглядеть то, что сжимаешь в объятиях. Отпустив тварное на свободу, мы по-настоящему его оценим и ощутим в нем Божие присутствие. Так мы ступим на пролегающий во мраке путь созерцания. В конце этого пути мы обретем тварное таким, каково оно в Боге⁵.

Отцы-пустынники думали, что пустыня потому так дорога Богу, что ее совершенно не ценят люди. Она пуста, и ее нельзя опустошить еще больше. Она ничем не привлекает и не сулит наживы. Избранный народ скитался по ней сорок лет, водимый Богом. Если бы евреи шли прямо, то попали бы в землю обетованную всего через несколько месяцев. Но Бог задумал иное. Он хотел, чтобы люди полюбили Его в пустыне, а потом вспоминали свои скитания, как прекрасное время, прожитое с Ним наедине.

Пустыня – как и горы, и море – сотворена для того, чтобы оставаться собой, а не для того, чтобы ее преображали. Поэтому и обитают в ней те, кто хочет быть самим собой, или, попросту говоря, одинокие, нищие, полагающиеся только на Бога; те, кто не возводит великих замыслов между собой и Творцом.

Так, по крайней мере, должно быть. Но есть и другая сторона. Во-первых, пустыня – это страна безумия, а во-вторых – прибежище дьявола, изгнанного в «пески Верхнего Египта» скитаться по «безводным местам»⁶. Жажда сводит с ума; даи сам дьявол обезумел от жажды. Заточив себя в собственном величии, он потерял его и теперь жаждет вернуть потерянное.

Уходя в пустыню, чтобы оставаться самим собой, надо быть настороже. Там нередко становятся слугами того, кто обитает в бесплодном раю пустоты и ненависти, и сходят с ума.

---

⁵ Мертон, конечно, не хотел сказать, что в Самом Боге есть нечто тварное. Он пишет здесь о динамике духовной жизни. Сначала мы, отстраняясь от тварного, видим в нем Божие присутствие, а потом, в конце пути, мы видим тварное погруженным в Божественную реальность. Всё дело в акцентах. Пока мы привязаны к тварному, акцент – на нем. По мере того, как наша жизнь постепенно «перемещается в Бога», мы начинаем всё обретать в Нем и через Него. Ср. «Он беспределен и есть везде и во всём, лучше же – всё есть в Нем» (преп. Никодим Святогорец, «Невидимая брань», гл. 20).

⁶ Ср. Мф 12, 43.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.